

ВЕЛИКИЕ ДЕВЫ

Поцелуй Зимы

Мечь Осени

Жертва Весны

НАДЯ ХЕДВИГ

МЕСТЬ
ОСЕНИ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х35

Иллюстрация на переплете *Кармы Виртанен*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*
Дизайн обложки *Александра Андреева*

Книга создана при содействии бюро
«Литагенты существуют»
и литературного агента *Екатерины Тихоновой*

Хедвиг, Надя.

Х35 Месть Осени / Надя Хедвиг. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-203654-5

Два года назад от рук Антона и Веры погиб сын Осенней Девы.

Теперь их пути разошлись: потеряв силу Зимы, Вера живет в домике сторожа кладбища и подрабатывает таргетологом, а Антон, свободный от службы Зимней Деве, растит дочь.

Но прошлое не оставляет их в покое.

Случайная встреча Веры с известным черным магом Аскольдом Мириным нарушает хрупкое равновесие. Мирин знает ее секрет: сила Зимней Девы постепенно возвращается.

Неужели сын Осени погиб напрасно? И что будет, когда его мать узнает правду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хедвиг Н., текст, 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-203654-5

*Спасибо моему мужу,
который целый год наблюдал,
как я живу этой историей,
а не нашей с ним жизнью, —
и терпеливо ждал меня назад*

ПЛЕЙЛИСТ

Вера

Пикник — Разноцветные ленты
Miravi — Воля

Вера / Зимняя Дева:

Апеуа — Я не упаду

Антон

Канцлер Ги — Разными дорогами
Дима Билан — Океан
Многоточие — В жизни так бывает

Антон и Вера

Polnalyubvi — Твои глаза
Маша Шейх — Скучаю за тобой
Mona Songz — Салют, Вера

Аскольд

Drummatix — Горький туман
Polnalyubvi — Девочка и море
Draconian — Death, come near me

Танец Темной Персефоны

Beats Antique — The Allure

ПРОЛОГ

Осень выдалась бурная, с ураганами и ледяным ветром, со слякотью в начале сентября и заморозками — в конце. По сравнению с ровным и безжизненным августом, о котором в одной газете написали как о самом странном месяце за последние десять лет, она была мощной и угрожающей — как если бы ею управляла живая эмоциональная женщина.

Женщина, потерявшая свое дитя.

Иногда, наблюдая в окно за очередным ливнем, я думала: мне стоит всерьез опасаться гнева Осенней Девы. Антон несколько раз говорил, что я в безопасности, но в подробности не вдавался и на большинство вопросов не отвечал. Что, если Дарина все же узнает правду? Или первого декабря я проснусь по уши в снегу? Где гарантия, что Тёма забрал с собой силы Дев? И что теперь будет с сезонами?

Прошло три месяца с тех пор, как Смотрящий вручил мне письмо от Лестера. За это время я успела поработать репетитором, продавцом в магазине одежды, сиделкой для собак и окончательно увериться: без высшего образования нормальную работу мне не найти. Так что большую часть времени я разбирала варианты ЕГЭ прошлых лет и не позволяла себе даже думать, что могу не сдать экзамен.

Я сидела в кафе «У Оскара» — том самом, где работал Смотрящий. За минувшее время здесь ничего не изменилось: те же мягкие кресла с подлокотниками, круглые столики на двоих и панорамные окна. Сумерки просачивались в зал сквозь толстые стекла, но их рассеивал свет от неоновых ламп. Столики с красными салфетками украшали разноцветные вазочки. В преддверии вечера в них горели маленькие белые свечи, отбрасывая блики на лица посетителей. Судя по количеству людей — в центре сидела мама с ребенком, в углу парень в больших круглых наушниках, — дела у кафе шли не ахти.

Я выбрала место у двери — то самое, где мы в последний раз говорили с Антоном. Посидела с минуту, размышляя, не подойти ли к барной стойке, но тут над ухом прошелестела бумага.

— У нас очень вкусный кофе, — произнес знакомый голос, и на лакированную поверхность шлепнулась папка с надписью «Меню».

Передо мной стоял накачанный темноволосый парень в фирменном фартуке поверх черной футболки. Если бы не лукаво изогнутый уголок рта, можно было подумать, что он искренне рад меня видеть. Антон как-то сказал, что Смотрящие неопасны. Но у парня в глубине глаз клубился самый настоящий туман, а от его улыбки под свитером расплозились мурашки.

— Сообщите, когда будете готовы сделать заказ, — приветливо сказал он.

— Я готова. То есть... у меня есть вопросы.

Густые черные брови дрогнули.

— Я так понимаю, не про кофе.

— Не про кофе.

Я заворуженно наблюдала за туманными всполохами в его зрачках. Неужели никто этого не замечает? Никто не смотрит ему в глаза?

— И ты думаешь, я на них отвечу? — мягко уточнил Смотрящий.

Чем дальше он улыбался, тем отчетливее у меня было ощущение, что я говорю с куклой-роботом, которая по чьему-то указу растянула губы и никак не может их сомкнуть.

— Я должна тебе что-то взамен?

Ребенок на руках у матери захныкал, и Смотрящий обернулся в их сторону. Сверкнула одинокая сережка-капелька в ухе, изогнулся большой рот, и ребенок замолчал.

Смотрящий сложил на груди мощные руки, и бицепсы размером с плафоны люстры над нами напряглись.

— Люди так боятся друг друга, — задумчиво произнес он, — что пытаются спрятаться за правилами вроде «ты мне — я тебе». Но это так не работает.

Я открыла меню. Картинок в нем не было, цены показались до смешного низкими. Хоть кофе-то у них настоящий?

— А как это работает?

— Это и есть твой вопрос? — Смотрящий подмигнул мне. Я вернула ему прямой взгляд и закрыла меню.

— Мне капучино с двойной пенкой, пожалуйста.

Он ухмыльнулся:

— Ваш заказ принят.

И ушел.

Пока его не было, я успела пожалеть о своем визите. Все равно он ничего не расскажет. Но вернувшись и по-

ставив передо мной черное блюдо с такой же маленькой черной чашкой, Смотрящий вдруг заявил:

— Я выиграл спор. Брат ставил на то, что ты придешь после наступления зимы. Я — что до. Теперь он мне кое-что должен, так что можешь задать свой вопрос. Но только один.

Я глянула в окно. Темнота стремительно наваливалась на верхушки деревьев, хотя на часах еще не было и четырех. Про зиму я все равно вот-вот узнаю.

— Те́му можно было спасти? — спросила я чуть охрипшим голосом.

Лоб мне прожег внимательный взгляд — если можно назвать взглядом то, что полыхает туманом. Я сцепила руки перед собой.

— Я имею в виду... в нем же все время был тот, кого я придумала. Эдгар. Ты, наверное, не знаешь...

— Знаю. Я все знаю.

— Получается, если бы не Эдгар, то есть... если бы не я, — я жала одной рукой другую, боясь, что она задрожит, — он бы не натворил всего этого. Верно?

Смотрящий глядел на меня так долго и пристально, словно я была картиной да Винчи и он вознамерился запомнить каждую деталь.

— Разве ты не хотела, чтобы он унес с собой твою силу? — Лицо и глаза его были серьезны, но в уголке рта по-прежнему таилась усмешка. — Все твои силы?

В горле стало очень сухо. Не в состоянии ответить, я кивнула.

Смотрящий наконец отвел от меня свои странные глаза. Неслышно развернувшись на пятках, снова куда-то ушел, но почти сразу вернулся. Под мышкой у него торчала черная папка — в похожей я хранила старые вари-

анты ЕГЭ. Он молча протянул мне ее. Поверх черного картона красовался белый прямоугольник с надписью «Артём Грачёв».

— Что это?

— То, что ты просила. — Смотрящий улыбнулся снова, и на этот раз в его улыбке скользнуло что-то вроде уважения. — Здесь все, что тебе понадобится.

Я погладила картон кончиками пальцев.

— Понадобится для чего?

— Чтобы найти ответ.

Не сказав больше ни слова, он удалился.

А я поспешила домой. И только прислонившись спиной к двери своей комнаты, решила открыть папку. Бесконечно долгое мгновение я пялилась в черное пространство перед собой.

Папка с надписью «Артём Грачёв» была пуста.

Часть I. ВИНА

ГЛАВА 1

Два года спустя

Рабочее место я себе организовала на подоконнике. Для ноутбука, толстой тетради в черном кожаном переплете и чашки кофе, по объему больше напоминающей кастрюльку, места хватало. Дом явно строили с размахом: в углу до сих пор стоял камин, под высоким потолком сохранились узоры из лепнины. Неудивительно, что ширины подоконника хватало для работы. При желании на нем можно было даже сидеть, всматриваясь вдаль в духе романтических фильмов.

Делала я это редко: окно выходило к оградкам кладбища, так что смотреть было особо не на что. Да и работы в последнее время было столько, что голову я поднимала лишь с наступлением темноты. Работа начинающего таргетолога оказалась отличным билетом в самостоятельную жизнь — ровно это обещал сайт недавно купленного курса. На главной странице восседала девушка с тонким ноутом на коленях, вокруг нее плыли облака, а надпись внизу гласила: «Да пребудет с вами свобода».

Моя реальность выглядела иначе: ноут пыхтел и перегревался, вокруг вместо гор и облаков были стены со старыми обоями, но в остальном авторы курса оказались правы. У меня появились деньги, чтобы съехать от мамы, купить кофемашину и почувствовать себя той, кем я была по документам: двадцатидвухлетней девушкой с работой, собственной жизнью и арендной платой, которую нужно переводить на счет первого числа каждого месяца.

Я потянулась всем телом, разминая спину. Реклама для кондитерской была почти готова, осталось проверить настройки и нажать «запуск». Часы в правом нижнем углу экрана показывали только начало четвертого, а солнце за окном уже поблекло, слизав с гранитных памятников немногочисленные краски. Небо подернулось сизым, от оконной рамы потянуло прохладой. Лексеич, местный священник и одновременно глава администрации, говорил, на кладбище начинает темнеть раньше всего. Но чтобы полчетвертого... А ведь сентябрь не перевалил даже за половину.

Я натянула рукава мужского свитера на кончики пальцев, перекинула косу за плечо и встала. Пора было собираться на вторую работу — пока солнце не село совсем, успею кое-что сделать. Надев старую куртку Лексеича из мягкой кожи, я нырнула в осенний вечер.

Издаലെка кладбище казалось маленьким городом. Кое-где уже зажглись фонари, и дорожки стали выглядеть опрятнее. Оградки, еще совсем недавно заброшенные и облезшие, блестели свежей голубой краской. Я хотела взять синюю, но Лексеич воспротивился. Всегда на кладбище голубые были, сказал. Вот и впредь пусть будут.

Вообще он особо не нагружал меня работой. Покраска оградок была до сих пор самым тяжелым заданием.

В остальном в мои обязанности входило рвать бурьян вокруг могил, протирать надгробные плиты, счищать с них грязь, облагораживать участки цветами и вечно-зелеными кустиками и иногда делать фото проделанной работы, чтобы отослать заказчикам.

На крыльце стояла корзинка с лейкой, перчатками для садовых работ, байковой тряпочкой и маленькой лопаткой. Сегодня в плане значилась могила в новом секторе. Остальные я сделала на неделе, так что даже оставалось время заглянуть на те участки, за которыми ухаживала по личной инициативе.

Я подхватила корзинку и двинулась знакомой тропой: по дорожке от дома до нового сектора, потом направо, не доходя один ряд до конца. Снова направо от Пандоры — так работники кладбища звали статую плачущей девушки на постаменте — и вглубь. Отсчитать третью могилу во втором ряду, и я на месте.

Я поставила корзинку на землю. С серого памятника на меня смотрели знакомые глаза. В жизни они были голубыми, но гравировкой это не покажешь. Поэтому глаза были просто светлые, губы — полные и улыбчивые, а лицо — совсем юное, мальчишеское. Художник не стал заморачиваться и прорисовывать распущенные пряди — спасибо, хоть колечки в правом ухе оставил. И крошечный шрам от прокола в брови.

Грачёв Артём Викторович. Артём Викторович. Тёма. Столько времени прошло, а я продолжала приходить сюда — читать его имя, высаживать цветы, протирать надгробие. Иногда даже здороваться. За два года папка, которую дал мне Смотрящий, наполнилась распечатками и вырезками о его победах в танцевальных конкурсах, краткой биографией и копией школьного аттестата с двумя тройками. Но это и все. Понять, что толкнуло

его на убийства — тяжелая судьба или вселившийся в него Эдгар, — я так и не смогла.

Достав байковую тряпочку, я протерла надпись на памятнике, стараясь не перечитывать ее в сто пятидесятый раз. *Грачёв*. . . Нет. Я перевела взгляд вниз, на подножие памятника. Там темнели алые капли. Это что такое? Неужели кровь? Я наклонилась, потрогала — капли были выпуклыми и гладкими. Воск.

Кто-то жег здесь свечи.

Лексеич рассказывал про *чернушников* — так он называл магов и чернокнижников, которые приходили на кладбище ближе к закрытию, отыскивали заброшенные могилы и начинали творить ритуалы. На всякий случай я огляделась в поисках чего-нибудь, что обычно используют чернушники. Лексеич говорил, находки бывают самые разные: от сырого мяса до дорогих часов. Я обошла огражденный участок. Нападавшие листья, трава, засохшие ромашки, немного бурьяна. А это что?

В изножье могилы, где год назад высадили розовый куст, земля была немного разрыта. Я присела на корточки, размышляя, насколько невежливо проверять, что внутри. Потрогала землю. Свежая. Похоже, кто-то потревожил ее совсем недавно. Я потянулась за лопаткой.

— Но-но-но! — раздалось совсем рядом.

Я вскинула голову. С внешней стороны оградки стоял мужчина в черном. Черными были его плащ, туфли, кожаные перчатки и даже борода с проседью. Глаза у него тоже были черные и колючие.

— Вы туда ничего не клали. Вот и не доставайте, — строго велел мужчина.

Это он мне?

Я поднялась, отряхивая руки от земли. Лексеич строго-настрого запретил мне решать вопросы са-

